

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Русские народные сказки / сост. Ю. Г. Круглов. – М. : Просвещение, 1983.
- 2 Бордовская, А. В. Методика работы с русскими народными сказками в иностранной аудитории / А. В. Бордовская // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. 6. – СПб. : Сударыня, 2003. – С. 312–317.

УДК 008:14

Е. А. МАЛЬЦЕВА

*Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

АНТИНОМИИ ОБРАЗА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Создание железных дорог оказало большое влияние на культуру в целом и на отдельные ее компоненты. В художественной культуре появились новые образы, которые постепенно наполнялись определенными смыслами, символами, значениями. Особенно ярко и многозначно образ железной дороги представлен в литературе. Новый и совершенно необычный вид транспорта побуждал авторов к его художественному осмыслению с момента своего возникновения. Сначала это было удивление, восторг, далее – понимание угрозы, которую потенциально несет в себе железная дорога, затем, по мере освоения, наделение ее особыми культурными смыслами. Анализ «железнодорожных» литературных произведений, написанных в XIX–XX вв., показывает сложность и неоднозначность образа железной дороги, позволяет выявить противоположные характеристики, а в результате сделать вывод о его антиномичности.

Антиномичность является неотъемлемым свойством культуры и ее отдельных феноменов. Внутренняя сложность и противоречивость, порождающая противоположные характеристики, характерна для образа железной дороги в художественной культуре. Рассматривая его в данном ключе, можно выделить несколько основных групп антиномий.

Железная дорога, будучи, прежде всего, техническим объектом, получала противоположные оценки с точки зрения влияния техники на человека, общество, культуру. Идеи *технизма* и *антитехнизма*, сложившиеся в философской традиции, наложили свой отпечаток и на восприятие железной дороги.

Одно из первых поэтических произведений, посвященных строительству железной дороги, стала ода С. Швырева, выражающая восторг и ликование:

*Думой сильного владыки –
Волей рока самого*

*Совершайся, труд великий,
Света знаний торжество!*

Лягте, горы! Встаньте, бездны!

Покоряйся нам, земля!

И катися, путь железный,

От Невы и до Кремля.

(С. Швырев. Железная дорога, 1842 г.)

Подробное восхищение обнаруживаем и в более поздних работах, например, у Алексея Гастева: «...из глубин бешено вырывается неугомонный поезд, дышит пламенем, поет сталью, колотит и режет камни, врывается прямо в утесы, сверлит их грудью» («Экспресс. Сибирская фантазия», 1916 г.).

Однако в то же время в литературу приходит и противоположная оценка технического новшества. Авторы пишут о бездушности нового вида транспорта, о гордыне, которая овладевает человеком и ведет его к гибели:

В этой гонке, в этой скачке –

Всё вперед, и всё спеша –

Мысль кружится, ум в горячке,

Задышается душа.

(П. А. Вяземский. Ночь на железной дороге
между Прагою и Веною, 1853 г.)

Подобные рассуждения о потере духовности, о порабощении человека техникой – в творчестве М. Волошина:

Свист, грохот, лязг, движенье – заглушили

Живую человеческую речь,

Немыслимыми сделали молитву,

Беседу, размысленье; превратили

Царя вселенной в смазчика колес.

(М. Волошин. Пар, 1922 г.)

Железная дорога в литературе – не только образ технический. Достаточно часто ее объекты наделяются характеристиками живого существа. Здесь также присутствует полярность характеристик. В частности, поезд – самый динамичный и яркий железнодорожный объект, представляется то как *зооморфное существо*, то как *антропоморфное*. Сравнение со змеем, конем, драконом встречается достаточно часто. С. М. Степняк-Кравчинский описывает железнодорожный состав как черную змею, которая мчится «то извиваясь и распуская свой длинный, сияющий хвост, то влетая, как стрела, в темный туннель, пыхтя и завывая в своей борьбе с пространством» («Андрей Кожухов», 1888 г.). А. П. Чехов наделяет его звериными характеристиками: «Локомотив свистит, шипит, пыхтит, сопит... Вагоны дрожат и свои-

ми неподмазанными колесами воют волками и кричат совами» («В вагоне», 1881 г.).

Такому сравнению поезда со зверем-чудовищем противостоит уподобление его человеку. Так, М. Герасимов приписывает паровозу анатомию человека:

*Мудрый лоб
Сморщен гарью,
Вылезли темные кудри дыма.
Дышла – вывихнутые руки,
Бессильные на гулком
Ржавом животе кожуха.
Выпавшие суставы – тулки –
Притулились жалко
К обнаженным сухожилиям
Медных трубок.*

(М. Герасимов. О паровозе, 1919 г.)

А. Соболев о сломавшемся поезде пишет как о больном человеке: «Вскоре вагон заболел – заболел, как болеют люди: подался, где-то лопнули какие-то пружины, дававшие жизнь, где-то что-то свернулось. Как уносят больного человека, так увели и его лечить: выстукивали, щупали, возились с ним, царапали потрескавшуюся голубую кожу, поднимали, вновь опускали» («Салон-вагон», 1921). Для героя А. П. Платонова паровоз – член семьи: «Семья Петра Савельича была небольшая: она состояла из него самого, его жены и паровоза серии «Э», на котором работал Петр Савельич» («Жена машиниста», 1940).

Образ железной дороги в литературе наполнен определенной символикой, подчас противоположной по смыслу. «Жизнь» и «смерть» – темы вечные для литературы, они подвергаются новому осмыслению через новый образ.

С одной стороны, железнодорожный состав, будучи мощным механизмом, способен разрушить хрупкую человеческую жизнь. Таких сюжетов в литературных произведениях немало. Это и железнодорожные катастрофы, результатом которых становится гибель множества людей, и собственный выбор человека, решившего проститься с жизнью:

*Железнодорожные рельсы!..
И насыть!.. И стрелки сигнал!
Как в глину размытую поезд
Слетел, низвергаясь со шпал.
Картина разбитых вагонов!..
Картина несчастных людей!..*

(А. Белый. Петербург, 1913)

*На рельсах железнодорожных
Зоя под встречный паровоз,
Ты манишь их, неосторожных,
Что б головой под треск колес.*

(В. Шершеневич. Реминисценция, 1931)

С другой стороны, железная дорога в литературе стала устойчивым символом жизненного пути. Такую трактовку образа дает М. Алигер: «Жизнь моя – железная дорога, вечное стремление вперед» («Железная дорога», 1934). Р. Рождественский, размышляя о жизненном пути, использует тот же образ, он пишет о метафорическом выборе между двумя возможностями – сойти с поезда, убежать от «грязи», «тряски», «плача ребенка в соседнем купе» или продолжить путь, чтобы «за ветром продолжить погоню» («Выбор», 1956). Выбор делается в пользу дороги.

Смысловая оппозиция «дорога» и «дом» также нашла свое воплощение в исследуемом образе. Железная дорога – это, прежде всего, именно «дорога», «путь», ведущий к изменениям в судьбе, уводящий в неизвестность. Кому-то она позволяет покинуть места, принесшие страдания, кому-то – влиться в общее движение, забыв о покое

*Город душу обрѣк страданью,
Город душу мою связал.
Потому нет прекрасней зданья
В каждом городе, чем вокзал.*

(И. Северянин. Гимн вокзалу, 1935)

*Вместе с ним и я в просторе мгlistом
Уж не смею мыслить о покое, –
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем.*

(Н. М. Рубцов. Поезд, 1969)

С путешествием по железной дороге связывают надежды на счастливое будущее, на достижение мечты, зачастую эти надежды тщетны: «Поезда, поезда, человеческой тоской гонимое железо! С грохотом проносились они мимо, в бесплодной попытке достигнуть края земли и мечты» (Л. М. Леонов «Вор», 1927).

Мотив дома в «железнодорожных» сюжетах обычно связан с описанием вагона, становящимся пусть временным, но пристанищем для человека. В этом временном доме может быть спокойно и тепло, здесь ведутся неспешные душевные беседы, всплывают воспоминания, рождаются мечты. Так в XIX в. описывал железнодорожный вагон князь П. А. Вяземский:

*Когда, как будто вихрь попутный,
Приспосаблия крылья нам,*

*Уносит нас вагон уютный
По русским дёбрям и степям, –
Благословляю я чугунку!*

(П. А. Вяземский. На железной дороге, 1867)

Иначе воспринимает вагон литературный герой XX в.: «Вагон сильно качало; лампочка под потолком горела в четверть силы; стоял дурной запах от портянок и ног; эти разнокалиберные ноги торчат с каждой полки, босые, в дырявых носках, из которых вылезают пальцы; на одной полке две пары ног: одни большие, мужские, а другие – женские, в чулках. На узлах вповалку спят бабы, детишки. Душно и мутно...» (А. В. Кузнецов «Продолжение легенды», 1956), однако и такое пространство через какое-то время ощущается человеком как дом: «мы с бешеной скоростью едем, и едем, и едем. Поезд уже стал домом родным» (там же).

Литературные образы вокзала, вагона содержат в себе еще одну пару антиномий – «толпа» и «одиночество». Железная дорога – это всегда скопление людей, случайным образом оказавшихся рядом, это смешение характеров, судеб. Образующаяся толпа может вызывать к жизни отрицательные качества человека: «Огромная толпища стояла у всех дверей, ведущих на платформу, – едва-едва ее сдерживали железнодорожные сторожа. И уже чувствовалась между этими людьми та беспричинная взаимная ненависть, которую можно наблюдать только в церквях, на пароходах и на железной дороге» (А. И. Куприн «Начальница тяги», 1911). Но она же может породить особое возбуждение, предвкушение предстоящей поездки: «Вокзал с его разноголосою сутолокою, грохотом приходящих поездов, свистками паровозов... торопливыми пассажирами, которые все идут и идут, точно им и конца нету, – впервые предстал перед оторопелыми глазами Петьки и наполнил его чувством возбужденности и нетерпения» (Л. Н. Андреев «Петька на даче», 1988).

На том же вокзале человек может быть одиноким:

*В железном сумеречном зале,
Глотая паровозный дым
Сидит Мадонна на вокзале
С ребенком маленьким своим.
Вокруг нее кульки, баулы,
Дорожной жизни суета.
В блестящих бляхах вельзевулы
Тележку гонят в ворота...
И лишь на бедной той скамейке,
Превозмогая боль и страх,
Мадонна в шубке из цыгейки
Молчит с ребенком на руках.*

(Н. Заболоцкий. На вокзале, 1958)

Железнодорожный вагон в отечественной культуре традиционно – место душевных разговоров, калейдоскопа лиц, историй. Но и в этой людской круговерти человек может остаться наедине с собой:

*В вагоне шаркают и шамкают
и просят шумно к шалашу.
Слегка пошатывает шахматы,
а я тихонечко пишу.*

(Е. Евтушенко. В вагоне шаркают и шамкают..., 1961)

Итак, образ железной дороги в литературе раскрывается через ряд антиномий, таких как жизнь – смерть, дорога – дом, технизм – антитехнизм, зооморфное – антропоморфное, толпа – одиночество, что свидетельствует о сложности и динамичности данного образа, о его многозначности, о сложной включенности в мир культуры.

УДК 130.122

Н. И. МАРТИШИНА

*Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АКСИОЛОГИИ ОБРАЗА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В настоящее время в философской теории познания утвердилась концепция многообразия видов познания, в рамках которой обыденное, религиозное, научное, философское, художественное познание рассматриваются как относительно самостоятельные способы познания, дополняющие друг друга в общей системе познавательной деятельности коллективных и индивидуальных субъектов. С точки зрения этой концепции, искусство предстает не только одной из важнейших сфер культуры, но и способом познавательного освоения реальности. Художественная литература, в частности, выполняет все основные функции познания: движение мысли от явлений к сущности, обнаружение и фиксация общих закономерностей, экстраполяция тенденций развития и прогнозирование перспективных изменений и др. Специфическими чертами и когнитивными преимуществами художественного познания являются наглядно-образный характер, позволяющий выражать общие идеи через локализованные, наблюдаемые, конкретные представления единичных объектов; авторский принцип организации, создающей пространство для концептуализации и обобщения индивидуального опыта; эмоционально-ценностная окрашенность гносеологических образов,